

ПОСЛОВИЦЫ КАК ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА

Статья посвящена одной из актуальных проблем лингвистики – вопросу о статусе пословиц в языке. Автор акцентирует внимание на междисциплинарном характере пословицы и многоплановости её структуры и содержания, подробно рассматривая её лингвистические и паремические характеристики.

Ключевые слова: паремия-пословица, номинативная функция, знак ситуации, паремиологический уровень, фразеологическая единица.

E.I.LAZAREVA

PROVERBS AS A PHENOMENON OF LANGUAGE AND FOLKLORE

The article deals with the problem of a nature of a proverb in a language. The author focuses on interdisciplinary and comprehensive research of proverbs, their multilevel semantic structure and form as well as their linguistic and paremic characteristics.

Key words: paremia, a proverb, nominative function, a sign denoting a situation, paremiological level, phrasological unit.

Пословицы являются объектом изучения в многочисленных статьях, диссертациях, монографиях на протяжении многих десятилетий. Редко к какому явлению языка и речи так часто обращаются в научных работах лингвисты и литературоведы в России и за рубежом, как к пословицам. Они являются неиссякаемым источником для новых исследований по мере развития лингвистики и смежных с ней научных направлений.

Согласно общепринятому определению пословица – это “краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа...” [ЛЭС, 1990:389].

По своему происхождению пословица относится к фольклору, представляет собой продукт устного народного творчества, то есть является единицей паремиологической. Многие отечественные лингвисты и паремиологи издавна придерживаются мнения, что отнесение пословиц исключительно к области фольклора было бы вряд ли правильным. Лингвист и фольклорист И.А.Оссовецкий считает, что в частности пословицы и поговорки следует рассматривать как единицы, «свойственные языку вообще, а не только языку художественного произведения. И по условиям своего бытования в языке пословицы и поговорки не похожи на фольклор, они никогда не «исполняются», а существуют в языке и функционируют в нём так же, как и другие фразеологические обороты» [Оссовецкий, 1952: 98]. Автор этих строк считает, что изучение пословиц и поговорок должно входить составной частью в изучение лексики и фразеологии языка в целом.

М.А.Черкасский определяет паремию как “минимальную единицу надъязыкового семиотического яруса, обладающую свойствами клишированно-

сти, афористичности и сентенциозности” [Черкасский, 1978: 35]. При этом термином «клишированность» обозначается свойство того или иного текста восприниматься целостно, как существующее в готовом виде конструктивное и семантическое единство, воспроизводимое без существенных изменений в соответствующих коммуникативных ситуациях; под свойством сентенциозности (нравоучительности) понимается способность поговорки содержать кроме фактической также и оценочно-эстетическую информацию, а под свойством афористичности – способность высказывания восприниматься как имплицитно содержащим более широкую информацию, чем та, которая эксплицитно выражена непосредственно в его тексте. Эта способность опирается на сеть сложных ассоциативных отношений, выходящих за пределы лингвистического контекста. Так, очевидно, что смысл поговорки «Мал золотник, да дорог» не сводится только к констатации того частного факта, который напрямую выражен в тексте. Другими словами, эта поговорка произносится не для того, чтобы назвать старую русскую меру драгоценных металлов и охарактеризовать её как небольшую по размеру или весу (хотя эту же фразу можно понять и в таком смысле), а скорее для того, чтобы сказать, что кто-то мал ростом или молод, но при этом имеет массу достоинств.

Таким образом одно и то же высказывание может рассматриваться как в плоскости языкового яруса, так и в плоскости «паремиологического (надъязыкового)» яруса [Черкасский, 1978: 40]. При этом оно оказывается носителем совершенно разных функциональных нагрузок. В первом случае оно представляет собой знак некоторой индивидуальной ситуации, во втором же случае оно функционирует как знак класса ситуаций, с которыми данная ситуация связана лишь по ассоциации. Данная трактовка понятия «поговорка» является в современной лингвистике общепринятой (Л.И.Ройзензон, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, В.Л.Архангельский и др.).

В области паремиологии особо следует упомянуть цикл исследований, связанный прежде всего с именем Г.Л.Пермякова. Им был предложен совершенно новый принцип систематизации «малых фольклорных жанров». Г.Л. Пермякову принадлежит заслуга создания основ универсальной когнитивной паремиологии; собранный им эмпирический материал включает около 50000 изречений более 200 народов мира. Труды учёного стали базой для современных лингвокультурологических исследований, объединяющих в себе фольклористический, литературоведческий и лингвистический подходы. Согласно исследованиям Г.Л.Пермякова поговорки занимают промежуточное положение между единицами языка – лексикой и фразеологическими оборотами (в их широкой трактовке) и единицами фольклора, точнее: относятся и к языку и к фольклору

в одно и то же время и соответственно изучаются как в лингвистике, так и в фольклористике. И эта своеобразная двойственность паремий наиболее отчётливо проявляется на подклассе пословиц и поговорок, составляющих основную массу всего паремиологического фонда.

Прежде всего глубокое проникновение в исследуемый материал привело автора к открытию знакового характера пословиц и поговорок. Было установлено, что пословицы и поговорки есть не что иное, как знаки определённых ситуаций или определённых отношений между объектами или явлениями. Изучая пословичные изречения, автор определяет, что у народов, не состоящих в родстве, не имеющих общения друг с другом и находящихся на разных ступенях общественного развития, встречаются одинаковые по смыслу пословицы. У каждой из этих пословиц свой набор образов, свои, связанные с территориальными и культурными особенностями реалии, но смысл всех изречений, логическая структура, их содержание абсолютно совпадают. Все они, хотя и по-своему, утверждают одно и то же, например: при отсутствии лучшей вещи и худшая может её заменить: русс. : На безрыбье и рак рыба; нем.: У кого нет стула, посидит и на скамье; вьетн.: Нет рыбы, почитают и краба; перс.: Где нет фруктов, там и свёкла за апельсин сойдёт и др. [Пермяков, 1988: 21]. Вся разница между приведёнными пословицами, вся их этническая, географическая и прочая специфика – в их образном строе, в местных реалиях и понятиях, а всё общее – в их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между объектами реальности. Именно эти отношения, по Г.Л.Пермякову, и составляют основной смысл каждого из этих изречений, поскольку все они соответствуют описанной ситуации.

Без знаков-пословиц сложно представить себе процесс коммуникации, во многих конкретных ситуациях они уместны и органичны. Вместо того, чтобы долго и не всегда удачно описывать ту или иную типичную и часто встречающуюся в жизни ситуацию, например: «если одна вещь порождает другую вещь, то свойства порождаемой вещи сходны со свойствами порождающей», мы употребляем пословицу «Яблочко от яблони недалеко падает» [Пермяков, 1988:265], и каждый, владеющий русским языком, понимает, что в данном случае имеется в виду. Другими словами, данная пословица используется коммуникантами в качестве знака описанной типовой жизненной ситуации. Так же мы поступаем и со словами как знаками объектов, понятий, явлений и т.д.

Обладая знаковым характером, пословица служит соответственно средством номинации, а значит выполняет одну из основных функций языковых единиц – номинативную. Именно эта функция позволяет считать пословицу единицей языка. Номинативным значением обладают прежде всего слова,

этим же значением обладают и словосочетания различной степени устойчивости – важно, чтобы их семантика была нераздельной, цельной, направленной на внутренне единый предмет или явление. «Чтобы быть единицей номинации, - пишет Е.С.Кубрякова, - эта единица должна удовлетворять одному требованию – обозначать, служить наименованием, выделять именуемое как отдельную сущность и величину, осуществлять номинативную функцию, то есть репрезентировать выделенный в акте номинации объект средствами языка и заменять далее этот объект именем в речевой деятельности и в мыслительных операциях с объектом» [Кубрякова, 1986: 38]. При этом под объектом понимается всё, что может быть названо: предмет, процесс, отношение и даже микроситуация, являющаяся номинатом предложения. При таком подходе к понятию номинации все значащие единицы языка, в том числе фразеологизмы с их доминирующей коннотацией в семантической структуре являются номинативными образованиями.

Наряду со знаковым характером и клишированностью пословицы обладают и другими существенными языковыми признаками. Так, и слова, и фразеологические обороты, и пословицы могут обладать мотивировкой своего общего значения, и эта мотивировка может быть как прямой, так и образной. И словам, и фразеологическим оборотам, и пословицам свойственны явления омонимии, синонимии и антонимии. Так, пословицы «Игра не стоит свеч» и «Овчинка выделки не стоит» обладают одним и тем же логическим содержанием, хотя и реализуют его по-разному. Отношение синонимии присуще не только русским пословицам, и функционируя в других языках, пословицы образуют целые синонимические серии, например, в немецком языке логическое правило «если взялся за дело, доведи его до конца, неси при этом все тяготы» реализуется в следующих построениях: „Wer A sagt, muss auch B sagen“, „Wer das Pferd will, muss auch die Zügel nehmen“, „Wer den Wein trinkt, muss auch die Hefe trinken“, „Wer den Teufel im Schiffe hat, der muss ihn fahren“ [Степанова, Чернышёва, 2005: 194]. Наконец, и слова, и фразеологические обороты, и пословицы обладают функциональным сходством и могут выступать в речи в одинаковой или сходной роли. Перечисленные свойства демонстрируют, что пословицы изоморфны единицам языка - словам и фразеологическим оборотам, что позволяет причислять паремии данного типа к явлениям языка.

Как явления фольклора пословицы в отличие от слов и фразеологических оборотов представляют собой особый жанр – класс вербальных образований (текстов), обладающих автосемантичностью, то есть относительной независимостью от текста, в котором они функционируют. Не имея контекстуальной привязанности, они могут употребляться самостоятельно, в то время как слова

и фразеологические обороты, даже наиболее сложные из них, как правило, выступают лишь в качестве элементов текста. Как и все фольклорные тексты, пословицы обладают той или иной темой, они о чём-то говорят в отличие от слов и фразеологизмов, которые не имеют собственной темы и могут употребляться по самым различным поводам. Как и все фольклорные тексты, паремии-пословицы «обладают тремя чётко выраженными структурными планами – планом лингвистической (и композиционной) структуры, планом логической (и семиотической) структуры и планом реалий» [Пермяков, 1988: 84]. Наконец, паремии – пословицы ситуативны, что свойственно всем паремиям.

Занимая определённое место и в системе языка и являясь в то же время фольклорными текстами, пословицы представляют собой более сложные сущности, чем любые фразеологические обороты. По этой причине Г.Л.Пермяков выделяет их в самостоятельный класс языковых единиц – паремиологический уровень (ярус) языка. В лексиконе языка ярусы подчиняются чёткой иерархии и обладают известной автономностью. «Нижний» ярус – лексический, представляется основным. При помощи его элементов – слов можно выразить всё, в том числе и все те понятия и отношения, которые выражаются посредством фразеологических оборотов и паремий. «Средний» – фразеологический ярус является вспомогательным. Он служит существенным дополнением словарного инвентаря, обеспечивая его разного рода сложными знаками, используемыми, как правило, для выражения понятий, обладающих коннотативной составляющей – яркой стилистической окраской и экспрессивностью. «Верхний» ярус – паремиологический, состоящий из пословиц, поговорок, присловий и других видов паремий служит инвентарём единиц, используемых для обозначения типовых жизненных ситуаций, формулирования и удобного запоминания разного рода логических житейских правил, для прогнозирования будущего и иных прагматических целей коммуникации [Пермяков, 1988: 87].

По меньшей мере, два вида паремий – пословицы и поговорки – входят по мнению Г.Л.Пермякова во фразеологическую субсистему языка. Но если в фольклоре место пословицы неоспоримо, то в лингвистике единого мнения по поводу фразеологической принадлежности пословицы не существует. Вопрос о том, являются ли пословицы фразеологизмами или они всецело относятся к области фольклора, возник давно и был непосредственно связан с проблемой трактовки самого понятия «фразеологизм» и определения объёма и состава фразеологии. В зависимости от того или иного понимания фразеологической единицы исследователи придерживались диаметрально противоположных точек зрения в отношении объёма фразеологии. Это объясняется исключительной сложностью объекта исследования. В большинстве фразеологических

теорий пословица признаётся фразеологической единицей (В.В.Виноградов, В.Л.Архангельский, О.С.Ахманова, А.И.Смирницкий, И.И.Чернышёва, А.Д.Райхштейн, Л.И.Ройзензон и др. – сторонники «широкой» трактовки объёма фразеологии), сторонники т.н. «узкой» трактовки объёма фразеологии исключали пословицу из фразеологического состава в основном в силу некоторых её паремических свойств (С.И.Ожегов, В.П.Жуков, В.Н.Телия, Б.А.Ларин и др.).

В настоящее время с интенсивным развитием смежных с лингвистикой научных дисциплин и активным привлечением в лингвистику результатов проводимых в их рамках исследований фразеологическая теория включает несколько важнейших направлений. Среди них – дальнейшие исследования параметров фразеологичности (идиоматичности, устойчивости), типологии фразеологизмов, исследование семантики фразеологических единиц различных групп, изучение феномена вариативности формы фразеологизмов, когнитивное моделирование актуального значения (для идиом и паремий), исследование нестандартного употребления идиом и другие направления. Следовательно, говорить сегодня о существовании фразеологической теории в полном и законченном виде не приходится, а отсюда – вопрос о фразеологической принадлежности пословиц по-прежнему остаётся открытым.

Литература:

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 150с.

Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. Ярцева В.Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.

Оссовецкий И.А. Об изучении языка русского фольклора//Вопросы языкознания, 1952

№ 3.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 235с.

Степанова М.Д., Чернышёва И.И. Лексикология современного немецкого языка. – М.: Academia, 2005. – 252с.

Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы// Паремиологический сборник. – М.: Наука, 1978. – С.35-52.